

ХРОНИКИ земли и духа

Мо Янь

— комплект из 3 книг —

Мо Янь
Хроники земли и духа.
Комплект из 3 книг
Серия «Литературные
хиты: Коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74070242

Мо Янь: хроники земли и духа:

ISBN 978-5-04-249473-4

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят: Лягушки, Устал рождаться и умирать,
Красный гаолян

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности

Лягушки

История Вань Синь – рассказ о том, что бывает, когда идешь на компромисс с совестью. Переступаешь через себя ради долга.

Китай. Вторая половина XX века. Наша героиня – одна из первых настоящих акушерок, благодаря ей на свет появились сотни младенцев. Но вот наступила новая эра – государство ввело политику «одна семья – один ребенок».

Страну обуял хаос. Призванная дарить жизнь, Вань Синь помешала появлению на свет множества детей и сломала

множество судеб. Да, она выполняла чужую волю и действовала во имя общего блага.

Но как ей жить дальше с этим грузом?

В переводе гениального китаиста Игоря Егорова.

Устал рождаться и умирать

Землевладельца Симэнь Нао из дунбэйского Гаоми расстреляли в расцвете лет и возвели на него напраслину. Владыка ада Ло-ван не смог добиться от него признания в грехах и решает простить Симэнь Нао, отпустив обратно в мир живых, чтобы тот смог переродиться в человека. Но не всё так просто! Симэнь Нао придется сначала побыть в шкуре осла, затем стать волком, собакой, свиньей и даже обезьяной в своем родном уезде, чтобы изжить в себе ненависть.

Красный гаолян

Самый известный роман Нобелевского лауреата Мо Яня.

Проникновенная семейная история, рассказанная потомком девушки, выданной замуж за богатого владельца винокурни. Волнительные исторические события, войны, бандитизм и революции, на фоне которых живут свою жизнь обыкновенные люди.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

Содержание

Лягушки	5
Часть первая	6
1	9
2	17
3	27
4	36
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мо Янь

Хроники земли и духа

Лягушки

Mo Yan

Frog

All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2009, Mo Yan

© Егоров И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть первая

Уважаемый сенсей Йошихито Сугитани,

Прошло всего несколько месяцев, как мы расстались, но у меня как сейчас перед глазами дни, проведенные вместе с утра до вечера в моих родных местах. Мы глубоко тронуты тем, что, несмотря на преклонные года и немощь, Вы пересекли моря и страны и приехали сюда, в эти отсталые, глухие места, чтобы живо побеседовать со мной и местными любителями литературы. Ваш обстоятельный доклад на тему «Литература и жизнь», с которым Вы выступили перед нами на второй день нового года утром в актовом зале уездного гостевого дома, мы записали на магнитофон и уже перенесли на бумагу. Это позволит осуществить нашу мечту: напечатать его ограниченным тиражом в журнале «Вамин»¹, уездном издании по литературе и искусству, чтобы те, кто не смог в тот день прослушать Ваше выступление, тоже получили возможность изведать изящество Вашей речи и получить пользу от Ваших наставлений.

В то утро мы вместе сходили навестить мою тетушку по отцу, более пятидесяти лет проработавшую акушером-гинекологом. Говорит она очень быстро, да еще с ярко выраженным местным говорком, поэтому Вы наверняка не все поняли из ее рассказа, но Вы ему поверили, и это, конечно, про-

¹ Досл. «лягушачье кваканье».

извело на Вас глубокое впечатление. В своем выступлении на второй день нового года Вы неоднократно приводили ее в качестве примера, чтобы проиллюстрировать свои литературные взгляды. Вы говорили, что у Вас в голове уже сформировался образ женщины-врача, которая мчится на велосипеде по скованной льдом реке; с медицинской сумкой за плечами и зонтиком в руке, закатав штанины, шагает вперед, несмотря на кишаших вокруг лягушек; измазанными в крови руками со звонким смехом принимает ребенка; беспокойно курит в небрежно накинутом халате... Эти образы в Вашей речи то составляли одно целое, то разбивались каждый по отдельности, словно набор изваяний одного и того же человека. Вы вдохновляли любителей литературы нашего уезда на то, чтобы на основе жизни моей тетушки создать волнующие произведения – повесть, поэму, пьесу. Какой творческий энтузиазм Вам удалось поднять, сенсей, сколько людей загорелись желанием это осуществить! Один собрат по перу из уездного дома культуры уже пишет роман о деревенской акушерке. Не хочу перебегать ему дорогу, хоть я в биографии тетушки разбираюсь куда больше, чем он, но раз уж пишет, пусть пишет. Я, сенсей, задумал написать о жизни тетушки пьесу. Когда вечером того второго дня нового года мы сидели рядом на кане² и вели оживленную беседу, Вы дали высокую оценку пьесам французского писателя Сартра и подробнейшим образом анализировали их со своей ориги-

² Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

нальной точки зрения, и меня точно осенило, будто завеса с глаз упала! Я должен написать замечательную пьесу, такую как «Мухи», «Грязными руками», решительно устремиться к цели великого драматурга. Я следовал Вашему наставлению: не надо торопиться, мало-помалу, терпеливо, как лягушка, сидящая на листе лотоса и поджидающая какую-нибудь козявку; а обдумав, браться за кисть, стремительно, как лягушка прыгает за этой козявкой.

Когда я провожал Вас в аэропорту Циндао, Вы выразили надежду, что я сообщу Вам историю тетушки в виде письма. Тетушкина жизнь еще не завершилась, но ее уже можно описывать такими возвышенными выражениями, как «величественная и грандиозная», «нестабильная и колеблющаяся». Историй про нее столько, что не знаю, какой длины получится это письмо. Вы меня, пожалуйста, извините, но позвольте уж, я буду писать как придется, докуда допишу, и хорошо, как долго смогу писать, столько и напишу. В эпоху компьютеров писать письма кистью на бумаге уже стало считаться расточительством, но это и радость. Так что хочется, чтобы Вы, получая мои письма, тоже могли испытывать радость, как в стародавние времена. Заодно сообщаю, что мне сказал по телефону отец: в двадцать пятый день первого месяца на старой сливе у нас во дворе, той, про которую Вы из-за ее причудливой формы сказали, что она «брызжет талантом», распустились красные цветы. Множество людей приходит к нам во двор полюбоваться ею, тетушка тоже прихо-

дила. Отец говорит, что в тот день случился большой снегопад, пушистые снежинки пахнут цветами сливы, и аромат стоит такой, что сразу проясняется в голове.

Ваш ученик Кэдоу (Головастик)

21 марта 2002 года,

Пекин

1

В наших краях, сенсей, издавна повелось нарекать ребенка при рождении какой-нибудь частью тела или органом. Например, Чэнь Би (Нос), Чжао Янь (Глаз), У Дачан (Толстая Кишка), Сунь Цзянь (Плечо)... Отчего так повелось, я не разобрался, наверное, склад ума такой, когда считают, что чем дряннее имя, тем дольше жизнь, или матери так головой подвигаются, что, мол, ребенок – кусочек плоти ее. Теперь это не в ходу, молодые родители не желают называть детей такими странными именами. Нынче у нас по большей части выбирают имена изящные и своеобразные, как у героев гонконгских, тайваньских и южнокорейских телесериалов. Дети, которых когда-то называли по частям тела, в основном поменяли имена на более благозвучные, но есть и такие, кто не поменял, как, например, Чэнь Эр (Ухо) или Чэнь Мэй (Бровь).

С отцом Чэнь Эр и Чэнь Мэй – Чэнь Би, другом моего детства, мы учились в начальной школе. Осенью 1960 года мы

поступили в начальную школу Даянланы. Время было голодное, и все события, глубоко врезавшиеся в память, по большей части связаны с едой. К примеру, как в случае, когда мы ели уголь, я об этом когда-то рассказывал. Многие считают, что это мои досужие выдумки, я же клянусь именем моей тетушки: никакие это не выдумки, все именно так и было.

Это была целая тонна высококачественного угля с шахты Лункоу, он посверкивал, а в расколотые места можно было смотреться как в зеркало. Такого прекрасного угля я никогда больше не видел. За ним ездил на телеге в уездный город искусный деревенский возница Ван Цзяо (Нога). С квадратной головой и толстой шеей, он заикался, метал злобные взгляды, когда говорил, и лицо его багровело от злости. Его сын Ван Гань (Печенка) и дочка Ван Дань (Желчный Пузырь), двойняшки, учились вместе со мной. Ван Гань высоченный, а Ван Дань – из тех миниатюрных девочек, которые так никогда и не вырастают – грубо говоря, коротышка. Все говорили, что в утробе матери Ван Гань урывал себе все питание, вот Ван Дань и не росла. Во время выгрузки угля как раз закончились уроки, и все с ранцами за плечами окружили это место: поглазеть на происходящее. Ван Цзяо большой железной лопатой сгребал уголь с телеги. С шумом сыпался кусок за куском. Шея у Ван Цзяо взмокла, и он стал вытирать ее завязанным на поясе куском синей ткани. При этом он заметил сына и дочку и заорал: «Домой давайте, косить надо!»

Ван Дань повернулась и припустила бегом – бежала она,

переваливаясь с боку на бок, будто центр тяжести у нее был неустойчивый, словно она только что научившийся ходить ребенок, но получалось очень мило. Ван Гань же укрылся позади всех, но не ушел. Работой отца он очень гордился. Теперешние школьники, даже если у них отцы самолетами управляют, не испытывают такой гордости, как тогда Ван Гань. Эх, большая телега, с каким грохотом ты несешься, вздымая колесами клубы пыли! В твоей упряжке бывший армейский жеребец с тавром на крупе, он когда-то возил вьюки со снарядами, говорят, имеет боевые заслуги. Пристяжным у него норовистый мул, этот может лягнуть и поранить, да и кусаться горазд. Норовом он хоть и скверный, но силен неимоверно и бежит резво. Совладать с этим бешеным мулом один Ван Цзяо и может. Многие из деревенских завидуют его положению, но, завидев мула, отступают в сторону. Этот мул уже двоих детей покусал: Юань Сая (Щека), сына Юань Ляня (Лицо), а другой оказалась Ван Дань. Когда телега стояла у ворот их дома, она подошла к мулу поиграть, а тот цапнул ее зубами за голову.

Мы все благоговели перед Ван Цзяо. Ростом метр девяносто, широченные плечи, сильный как бык, ухватит каменный каток весом две сотни цзиней³ и поднимает над головой. Но более всего нас восхищал его волшебный кнут. В тот раз, когда этот бешеный мул укусил Юань Сая за голову, он поставил телегу на тормоз, встал, расставив ноги, с

³ Цзинь – мера веса, 0,5 кг.

обеих сторон оглоблей и принялся орудовать кнутом, охаживая мула по крупу и оставляя после каждого звонкого удара кровавую полосу. Поначалу мул еще взбрыкивал, но через какое-то время задрожал всем телом, рухнул на передние ноги, опустив голову и задрал излущенный зад, и стал грызть землю. Тут отец Юань Сая, Юань Лянь, взмолился: «Ты уж пощади его, старина Ван!» Только тогда разъяренный Ван Цзяо остановился. Юань Лянь – секретарь партячейки, самый большой начальник в деревне, его Ван Цзяо не мог послушаться. А когда этот бешеный мул укусил Ван Дань, мы предвкушали еще одно представление, но Ван Цзяо кнут в ход не пустил. Он зачерпнул пригоршню извести из кучи у дороги, насыпал на голову Ван Дань и отнес ее домой. Мула не тронул, зато вытянул кнутом жену и дал пинка Ван Ганю. Размахивая руками, мы оживленно обсуждали гнедого буяна. Худющий, кожа да кости, глубокие – куриное яйцо поместится – впадины над глазами. Взгляд горестный, будто того и гляди расплачется. Мы представить не могли, что в этом тщедушном теле может скрываться такая сила. Болтая, мы приближались к мулу, пока Ван Цзяо не перестал сгружать уголь и не уставился на нас таким свирепым взглядом, что мы один за другим отступили. Гора угля перед школьной столовой росла, а на телеге его становилось все меньше. Мы не сговариваясь принялись втягивать носами воздух, потому что ощутили странный аромат. Пахло горячей канифолью, а еще жареной картошкой. Обоняние за-

ставило нас обратить взоры на кучу блестящих кусков угля.

Ван Цзяо хлестнул упряжку, и телега тронулась со двора. Но мы не устремились вдогонку, как раньше, чтобы попрыгать вволю, рискуя получить кнутом по голове. Наши оставившиеся взгляды постепенно переместились на кучу угля. Мимо, с двумя ведрами воды враскачку, проходил повар, почтенный Ван. Его дочь Ван Жэньмэй тоже училась вместе с нами, а впоследствии стала моей женой. Ее – большая редкость в то время – не называли какой-нибудь частью организма, потому что повар Ван – человек образованный. Раньше он был заведующим животноводческой станцией коммуны, но потом за неподобающие речи его сняли с должности и вернули в родную деревню. Почтенный Ван с подозрением глянул на нас. Неужели подумал, что мы рванемся на кухню, чтобы стянуть что-нибудь съестное? Потому что он прикрикнул: «А ну катитесь отсюда, щенки! Поесть вам здесь нечего, домой вернетесь, у мамки сиську пососите». Мы, конечно, услышали, что он сказал, даже поразмыслили над его предложением, но он явно просто отругал нас. Нам всем уже по семь-восемь лет, какое грудное молоко? Мы бы его и попили, но откуда ему взяться у наших матерей, полуживых от голода, с обвисшими грудями? Но никто с ним даже спорить не стал.

Мы стояли перед кучей угля, опустив головы и наклонившись, словно геологи-любители, обнаружившие некий странный минерал; мы принюхивались, как собаки, наткнув-

шиеся на развалинах на что-то съестное. Тут нужно прежде всего поблагодарить Чэнь Би, а еще Ван Дань. Именно Чэнь Би первым поднял кусок угля, поднес себе под нос и нахмурился, словно обдумывал нечто важное. Его нос – большой, с горбинкой – всегда был объектом наших насмешек. Подумав, он с силой ударил куском, который держал в руке, о другой кусок побольше. Уголь звонко раскололся, и вокруг разнесся сильный аромат. Чэнь Би подобрал отколовшийся кусочек, другой подняла Ван Дань. Он лизнул его, оценивая на вкус, и обвел нас округлившимися глазами; она по его примеру тоже лизнула уголек, глядя на нас. Потом они переглянулись, хихикнули и не сговариваясь осторожно откусили немного передними зубами, пожевали, потом откусили еще, яростно жуя. Их лица осветились радостью. Большой нос Чэнь Би покраснел и покрылся капельками пота. Носик Ван Дань почернел от угольной пыли. Мы словно замороженные слушали, как хрустят у них на зубах кусочки угля. И, раскрыв рот, следили, как они стараются их проглотить. В конце концов им это удалось. «Ребята, вкусно!» – приглушенным голосом проговорил он. «Братцы, налетай быстреей!» – громко пискнула она. Схватив еще один кусок, он принялся жевать еще яростнее. А она ухватила ручонкой кусок побольше и подала Ван Ганю. Мы принялись, как они, раскалывать большие глыбы, собирать осколки, пробовать. Уголь скрипел на зубах, но на вкус был неплох. «Вот так надо есть, народ, так вкуснее», – подняв вверх кусок угля, бескорыстно

делился с нами опытом Чэнь Би. «Вот здесь вкусно, сосной пахнет», – говорил он, указывая на полупрозрачные, желтоватые места, похожие на янтарь.

У нас уже шли уроки природоведения, и мы знали, что уголь образовался много веков тому назад в погребенных в земной коре лесах. Природоведение у нас вел директор школы У Цзиньбан. Его объяснениям мы не верили, не верили и тому, что написано в учебнике. Леса ведь зеленые, как они могут превратиться в черный уголь? Мы считали его рассказы и написанное в учебнике ерундой. И только обнаружив, что от угля пахнет сосной, мы поняли, что директор не обманывает и учебник тоже. В классе нас тридцать пять учеников, и, кроме двух девчонок, все в сборе. Каждый держал в руках кусок угля, со скрежетом кусая, с хрустом жуя, и на лицах светились возбуждение и таинственность. Мы будто проводили импровизированное представление, словно играли в какую-то диковинную игру.

Сяо Сячунь (Нижняя губа) вертел кусок угля в руках, но не ел, и лицо его выражало презрение. Не ел он уголь, потому что не хотел есть, а не хотел есть, потому что его отец был кладовщиком на продовольственном складе коммуны. С измазанными в муке руками выбежал изумленный повар Лао Ван. Силы небесные, да у него все руки в муке! В те времена помимо директора нашей школы и завуча в школьную столовую ходили еще и двое живущих в деревне гáньбу – ответственных партработников коммуны. «Дети, что вы дела-

ете? – спросил он. – Вы... уголь едите? Разве его можно есть?» Ван Дань подняла ручонками большой кусок и пропищала: «Вкуснятина, дядюшка, вот попробуй». Тот замотал головой: «Ван Дань, такая маленькая, а туда же, безобразничать с этими озорниками». – «Правда, вкусно, дядюшка», – с этими словами Ван Дань откусила еще кусочек. Уже спустились сумерки, солнце клонилось к западу. Прикатили на велосипедах столовавшие здесь партработники. Они тоже обратили на нас внимание. Лао Ван стал было разгонять нас, размахивая коромыслом. Его остановил ганьбу по фамилии Янь – вроде он был заместителем управляющего, некрасивый такой. Махнув рукой, он повернулся и проскользнул на кухню.

На другой день в классе мы слушали учителя и жевали уголь. Губы черные, уголки ртов в угольной пыли. Жевали не только мальчики, не присутствовавшие накануне на празднике поедания угля девочки по примеру Ван Дань тоже принялись есть. Дочь повара Лао Вана – моя первая жена – Ван Жэньмэй ела с удовольствием. Сейчас я вспоминаю, что хроническим парадонтитом она, наверное, была обязана тому, что у нее весь рот был в крови, когда она ела уголь. Учительница Юй написала на доске несколько строчек и повернулась к нам. Сперва она спросила своего сына, нашего одноклассника Ли Шоу: «Шоу, что это вы едите?» – «Это мы уголь едим, мама». – «Учительница, мы уголь едим, хотите попробовать?» – Это громко выкрикнула – ее громкий крик похо-

дил на верещание маленькой обезьянки – со своего места в первом ряду Ван Дань. Сойдя с кафедры, учительница взяла у нее кусок угля, поднесла под нос и вроде бы понюхала. Довольно долго молчала, а потом вернула его Ван Дань. «Ребята, – сказала она, – сегодня начинаем урок шестой, „Ворона и лисица“. Ворона раздобыла кусок мяса и очень довольная уселась на ветку дерева. Оказавшаяся под деревом лисица сказала ей: „Как прекрасно ты поешь, госпожа Ворона, когда ты поешь, всем птицам мира приходится закрывать рот“. От лисицыной лести у вороны закружилась голова, она раскрыла клюв и каркнула, мясо выпало – и прямо лисице в рот». Вслед за учительницей мы прочитали весь текст вслух, повторяя за ней черными как вороново крыло губами.

Наша учительница человек образованный, а вот, уважая обычаи наших мест, взяла и назвала своего сына Ли Шоу. Отлично учившийся Ли Шоу впоследствии поступил в медицинский институт, а по окончании работал хирургом в уездной больнице. Когда Чэнь Би отхватил себе четыре пальца соломорезкой, три из них Ли Шоу ему пришил.

2

Почему Чэнь Би родился с большим носом, не таким, как у всех? Наверное, это может объяснить только его мать.

Отец Чэнь Би, Чэнь Э (Лоб), второе имя – Тяньтин (Переносица), был в нашей деревне единственным обладателем

двух жен. Чэнь Э изрядно знал грамоту, до Освобождения⁴ владел сотней му⁵ отличной земли, открыл винокурню, а еще торговал в Харбине. Старшая жена у него была местной, родила ему четырех дочерей. Перед Освобождением Чэнь Э сбежал, потом, году в тысяча девятьсот пятьдесят первом, Юань Лянь с двумя ополченцами арестовал его где-то на северо-востоке. В бега он ударился один, жену и дочерей бросил дома, а вернулся с женщиной, светловолосой и голубоглазой. На вид лет тридцать с небольшим, и звали ее Ай Лянь. В руках она держала пеструю собачонку. Эта женщина заключила с Чэнь Э брак еще до Освобождения, поэтому у него получилось две законные жены. Несколько деревенских холостяков из бедноты были крайне недовольны этим и наполовину в шутку, наполовину всерьез требовали, чтобы он отдал одну им в пользование. Чэнь Э зубоскалил, но по выражению лица было не разобрать, плачет он или смеется. Поначалу обе жены жили в одном дворе, но потом начались потасовки и жуткие скандалы, и через Юань Ляня было достигнуто согласие, что младшая жена займет две пристройки рядом со школой. В здании школы раньше располагалась винокурня семьи Чэнь Э, и эти две пристройки тоже принадлежали его семье. Чэнь Э договорился с женами, что будет жить с ними по очереди. Собачонку, которую привезла с собой на руках светловолосая женщина, затюкали местные

⁴ То есть до 1949 года, когда в Китае победили коммунисты.

⁵ *Му* – мера площади, 1/15 га.

псы, и она сдохла. Похоронила ее Ай Лянь, когда уже ходила с большим животом, и вскоре после этого родился Чэнь Би. Поэтому и стали говорить, что Чэнь Би – перевоплощение той пестрой собачонки. Он обладал отменным нюхом, так что, возможно, какая-то связь и была. Тетушка моя в то время уже изучала в уезде новые методы родовспоможения и стала первой в округе профессиональной акушеркой. Шел тысяча девятьсот пятьдесят третий год.

В том году деревенские жители еще сопротивлялись родам по-новому из-за вздорных сплетен, которые распускали повитухи. Они говорили, что дети, рожденные по-новому, могут стать умственно отсталыми. Почему они распускали эти слухи? Да потому, что как только новые методы получают распространение, они лишатся заработка. За рождение ребенка они могли поесть до отвала в доме роженицы, а кроме того, получить два махровых полотенца и десяток яиц. При одном упоминании об этих повитухах тетушка начинала скрипеть зубами. Она говорила, что просто не представляет, сколько младенцев и рожениц погубили эти старые ведьмы. И описывала свои жуткие впечатления. Почти все эти повитухи отпускали длинные ногти, в глазах у них сверкал дьявольский зеленый огонь, а изо рта шел тошнотворный запах. По словам тетушки, они давили животы беременных скалками. А еще затыкали рот роженицам тряпками, будто ребенок мог выскочить через рот. Тетушка говорила, что у них нет ни малейших знаний по анатомии, и они совершенно

не разбирались в физиологическом строении женского организма. Столкнувшись с трудными родами, они могли засунуть руку в родовые пути и тянуть изо всей силы, так, что, бывало, плод вместе с маткой вытаскивали. Довольно долгое время, предложи мне отобрать самых ненавистных людей, чтобы поставить к стенке, я не задумываясь сказал бы – повитухи. Впоследствии я стал понемногу понимать, отчего тетушка так горячилась. Подобные невежественные повитухи с их дикими методами наверняка существуют, но есть и опытные, постигшие на себе тайны женского организма. Повитухой, по сути дела, была моя бабка. Она была из тех, кто придерживался принципа «правления недеянием»⁶, полагая, что «тыква упадет сама, когда созреет», что хорошая повитуха должна больше подбадривать роженицу, а когда ребенок родился, отрезать ножницами пуповину, приложить негашеной извести, перевязать, и этого достаточно. Но таких, как бабка, повитух не очень-то жаловали, их считали лентяйками. Людям, похоже, больше нравились те, что суетились, носились туда-сюда и орали благим матом, обливаясь потом, как и сами роженицы.

Тетушка – дочь старшего брата моего деда. Дед был врачом в Восьмой армии⁷. Сначала изучал китайскую традици-

⁶ «Править недеянием» – один из конфуцианских принципов, руководство народом одним лишь собственным примером.

⁷ Восьмая армия – значительное военное соединение времен антияпонской войны (1937–1945) и последующего военного противостояния с силами националистов (1946–1949) под контролем коммунистов.

онную медицину, а в армии стал учиться европейской у Нормана Бэтьюна⁸. После кончины Бэтьюна дед сильно переживал, серьезно занемог, у него стало плохо с глазами, он вспоминал о доме, о матери. Руководство разрешило ему вернуться в родные края подлечиться. Когда он вернулся, прабабушка была еще жива. Стоило ему войти в дверь, как он услышал аромат супа из фасоли. Это прабабушка поторопилась намыть котел фасоли и поставить на очаг. Невестка хотела ей помочь, но та своим кривым посохом оттянула ее в сторону. Прадед уселся на порожек в томительном ожидании. Тетушка тогда уже себя помнила и, когда ей предлагали: «скажи „дядя“», не говорила, а пряталась за спину матери, поглядывая оттуда. Она сызмальства слышала, как мать с бабкой говорили о дяде, и вот наконец увидела его, хотя он показался ей совсем чужим. Прадед сидел на пороге, лицо бледное, обросший, на шее вши. Из драной ватной куртки торчат клочья ваты. Бабка с прабабушкой подкладывали дров в огонь, а сами плакали. Вот суп и готов. Прадеду было невтерпеж, хоть горячий суп обжигал рот, он принялся торопливо хлебать его, держа чашку двумя руками. «Не торопись, сынок, – приговаривала прабабушка, – в котле еще есть!» Руки у прадеда тряслись. Он съел чашку, ему налили еще одну. После второй чашки трястись перестал. По вискам

⁸ *Норман Бэтьюн* (1890–1939) – канадский врач, во время антияпонской войны лечил больных крестьян и раненых бойцов Восьмой армии. Его преданностью китайскому народу восхищался Мао Цзэдун.

текли струйки пота. Глаза мало-помалу оживились, на лице появился румянец. В животе у него забурлило, будто жернова загрохотали. Через какое-то время он направился в туалет, и его прочистило так, будто все кишки наружу вывернуло. Потом постепенно поправился и пару месяцев спустя уже стал бодр и воспрянул духом.

Я сказал тетушке, что читал нечто подобное в «Неофициальной истории конфуцианцев»⁹. «А что это за история?» – спросила она. Я сказал, что это знаменитое произведение классической литературы. Тетушка аж глаза вытаращила: «Даже в знаменитых произведениях классической литературы есть об этом, а ты еще сомневаешься?!»

Поправившись, прадед вознамерился вернуться в горы Тайханшань в свою часть. «Сынок, – сказала ему прабабушка, – мне всего-то несколько дней жить осталось, проводи меня, а потом и ступай». А бабке самой сказать было неудобно, так она подучила тетушку. Та и сказала: «Папа, мама говорит, если хочешь, так ступай, но прежде оставь нам маленького братика».

В это время из Цзяодунского района к нам пришли люди из Восьмой армии и стали уговаривать прадеда примкнуть к ним. Как ученик Нормана Бэтьюна, прадед пользовался широкой известностью. Прадед сказал, что он из района Шань-

⁹ «Неофициальная история конфуцианцев» – китайский роман XVIII века, первое значительное произведение китайской литературы в жанре реалистической социальной сатиры.

си, Чахар и Хэбэй. «Так мы же все коммунисты, – возразили цзяодунские, – не все ли равно, кто где работает? Нам здесь именно такого человека, как вы, и не хватает, почтенный Вань. Как бы то ни было, нам нужно тебя оставить. Как сказал командующий Сюй, возьмите большой паланкин с восемью носильщиками, привяжите его веревками, и кнутом, и пряником, но доставьте почтенного, как на банкет!» Вот так прадеда и оставили в Цзяодуне, где он стал основателем Сихайского подземного госпиталя Восьмой армии.

Этот подземный госпиталь действительно располагался под землей: палаты выходили в туннель и связывались между собой подземными ходами, там были и дезинфекционная камера, и лечебные помещения, и операционные, и палаты для выздоравливающих. Все это сохранилось до сего дня. Близ Лайчжоу, в деревеньке Чжуцзяцунь еще здравствует восьмидесятивосьмилетняя Ван Сюлань, она в те годы работала у прадеда санитаркой. Немало палат сообщались с поверхностью через колодцы. Бывало, в те времена пойдет молодая девушка по воду, а ведро с водой непонятно почему застряло. Наклонилась посмотреть, глядь, а из отверстия в стенке колодца молодой раненый боец Восьмой армии ей рожи корчит.

Слухи о высочайшем врачебном мастерстве прадеда быстро распространились по Цзяодуну. Именно он удалил осколок из плеча командующего Сюя, сделал операцию при тяжелых родах жене комиссара Ли, сохранив жизнь матери и ре-

бенку. Слава о прадеде дошла даже до Сугитани, командира японского гарнизона города Пинду. Когда тот проводил карательную операцию, жеребец под ним подорвался на mine, и всадник, бросив коня, бежал. Прадед сделал коню операцию, и по выздоровлении на нем стал ездить командир полка Ся. Жеребец оказался привязанным к родным местам, перегрыз упряжь и сбежал назад в Пинду. Увидев, что он вернулся, Сугитани был немало удивлен и велел китайским предателям провести тайное расследование. Выяснилось, что у него под носом Восьмая армия построила целый госпиталь и начальником этого госпиталя является тот самый чудо-доктор Вань Люфу, который поставил на ноги почитай мертвого коня. Сугитани был из семьи медиков, разобрался, что к чему, и задумал переманить прадеда на свою сторону. С этой целью он прибегнул к коварному плану из «Троецарствия»¹⁰: тайно подослал в наши места своих людей, которые связали прабабушку, бабу и тетушку и доставили в Пинду как заложников. А потом отправил прадеду письмо.

Прадед был убежденным коммунистом, прочитав письмо Сугитани, он помял его в руках и выбросил. Комиссар госпиталя Мэнь подобрал письмо и отправил в военный район. Командующий Сюй и комиссар Ли написали письмо Сугитани, гневно осудив его за эту подлость. В письме также говорилось, что если с головы близких Вань Люфу упадет хотя бы волосок, объединенные силы Цзяодунского района пой-

¹⁰ «Троецарствие» – один из классических китайских романов.

дут на штурм Пинду.

Тетушка вместе с прабабушкой и бабкой провела в Пинду три месяца, их кормили и поили и никто не обижал. Командующего Сугитани она описывала как белолицего молодого человека в очках с белой оправой и с небольшими усиками, расходящимися в стороны, как иероглиф «восемь». Он держался с ними вежливо, хорошо говорил по-китайски. Прабабушку называл старшей тетушкой, бабуку – тетушкой, а ее – племянницей. Сугитани не производил на нее плохого впечатления. Конечно, тетушка говорила это по секрету только членам своей семьи и открыто в этом не признавалась. Вслух она заявляла, что они трое натерпелись от японцев пыток и жестоких наказаний, что им угрожали и пытались подкупить, но они держались твердо и непоколебимо.

Сенсей, всего о прадеде за три дня и три ночи не расскажешь, будет время – еще поговорим. Но о том, как он погиб, рассказать следует. По словам тетушки, он умер во время операции, которую проводил раненому бойцу в подземном туннеле, задохнувшись от пущенных врагами газов. Такую же версию можно найти в исторических материалах, выпущенных уездным Народным политическим консультативным советом¹¹. Но некоторые по секрету рассказывают, что с восемью гранатами за поясом прадед верхом на муле в оди-

¹¹ *Народный политический консультативный совет* – совещательный орган при руководстве КНР, в который входят представители КПК, других партий, общественных организаций, деловых кругов, китайских диаспор за рубежом, видные общественные деятели.

ночку отправился в Пинду, чтобы, подобно герою-одиночке, спасти жену, дочь и мать. Но, к несчастью, он попал на минное поле, устроенное ополченцами Чжаоцзягоу. Распространял эти сведения человек по имени Сяо Шанчунь (Верхняя губа), который служил в Сихайском госпитале носильщиком. Человек этот был со странностями, после Освобождения работал кладовщиком на зерновом складе коммуны, придумал некое очень действенное средство против крыс, а когда об этом написали в газете, срочно изменил в своем имени «чунь» – «губа» на «чунь» – «чистый»¹². Впоследствии выяснилось, что это его действенное средство в основном состояло из уже запрещенного к применению высокотоксичного пестицида. Этот человек имел зуб на тетушку, поэтому словам его веры не было. «Твой прадед указаний партии не слушал, бросил раненых в госпитале, погеройствовать ему захотелось. Перед отъездом выпил для храбрости пару цзиней бататовой водки, так нарезался, что лыка не вязал, вот по глупости и нашел свою мину, – говорил мне Сяо Шанчунь, чуть ли не со злорадством скаля большие пожелтевшие зубы. – Его и мула разнесло на куски, и все это собрали в две корзины. В одной корзине и человеческая рука, и копыто мула, так потом в беспорядке в гроб и свалили. Гроб был, надо сказать, неплохой, в одном богатом семействе в деревне Ланьцунь конфисковали». Когда я потом пересказал эти его слова тетушке, у той аж глаза округлились от злости,

¹² С этим иероглифом имя Сяо Шанчуня стало значить «очень чистый».

и она, задохнувшись, выпалила: «Придет день, своими руками кастрирую сволочь эту!»

Мне она твердо сказала: «Ты всему этому можешь не верить, мальчуган, твой прадед – герой антияпонского Сопротивления, пламенный боец революции! На горе Линшань есть и его могила, а в мемориальном музее павших борцов выставлен скальпель, которым он пользовался, и его английские кожаные ботинки. Эти ботинки подарил ему перед смертью доктор Норман Бэтьюн».

3

Сенсей, историю прадеда рассказал бегом, чтобы уже не торопясь поведать о тетушке.

Тетушка родилась тринадцатого июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года, в пятый день пятого лунного месяца, ее детское имя – Дуаньян¹³, взрослое – Вань Синь. Имя ей предложил прадед – и с уважением к местным традициям, и с глубоким значением. После гибели прадеда прабабушка захворала там, в Пинду, и умерла. Благодаря активным действиям агентурной сети Цзяодунского района бабка и тетушка были вызволены. Их переправили в освобожденный район, тетушка пошла в начальную школу антияпонского Сопротивления, а бабка стала в пошивочной мастер-

¹³ *Дуаньян* – праздник Драконовых лодок, отмечается в пятый день пятого лунного месяца.

ской прошивать подошвы для тапок. После Освобождения для таких, как тетушка, потомков пламенных бойцов открывалось немало возможностей куда-то поехать, но бабка родные места покидать не хотела, а тетушке тяжело было с ней расстаться. Когда уездное начальство спросило тетушку, чем она хочет заниматься, она сказала, что желает пойти по стопам отца, и поступила в медицинское училище особого района. Когда она его закончила, ей было всего шестнадцать, и она стала врачом в амбулатории городка. Уездное управление здравоохранения организовало курсы по новым методам родовспоможения, и тетушку послали учиться туда. С тех пор она связана с этим священным ремеслом неразрывными узами. Начиная с четвертого числа четвертого месяца 1953 года, когда она приняла первого ребенка, до прошлогоднего Праздника весны тетушка, по ее словам, помогла появиться на свет десяти тысячам малышей, а вместе с другими – двух считай за одного. Это она сама сказала. Думаю, десять тысяч – все же цифра несколько преувеличенная, но тысяч семь-восемь она приняла наверняка. У нее было семь учениц, среди них одна по прозвищу Львенок – волосы взъерошенные, плоский нос, квадратный рот, прыщавое лицо. Перед тетушкой она преклонялась, скажи ей тетушка убить кого, тут же схватила бы нож и убила бы, не раздумывая.

Я уже говорил, что тогда, весной 1953 года, многие женщины у нас противились родам по-новому. Да еще эти пови-

тухи со своими тайными измышлениями и наветами. Тетушке хоть и было всего семнадцать, но благодаря приобретенному с детских лет незаурядному опыту, а также блестящему, как золото, происхождению, она уже имела у нас в дунбэйском Гаоми огромное влияние, и народ смотрел на нее как на важную персону. Она, конечно, и внешностью выделялась среди других. Я имею в виду не прическу, не лицо, не нос и не глаза, речь о зубах. В наших местах высоко содержание фтора, и у всех от мала до велика полон рот черных зубов. Тетушка же в детстве долго прожила в районе Цзяодун, пила воду из горных источников, да еще по примеру бойцов Восьмой армии научилась чистить зубы. Возможно, по этой причине зубы у нее не подверглись пагубному воздействию, и ее белозубому рту завидовали все, особенно девицы.

Первым ребенком, которого она приняла, стал Чэнь Би. Тетушка не раз выражала сожаление об этом. Говорила, что этим первым ребенком должен был быть потомок революционеров, никак не думала, что придется принимать помещицье отродье. Но в то время требовалось найти, как покончить с деторождением по-старому, и раздумывать было некогда.

Узнав о том, что Ай Лянь скоро разрешится от бремени, она вскочила на велосипед – редкость по тем временам, – закинула на плечо сумку с лекарствами и помчалась как ветер. Десять ли пути от фельдшерского пункта до нашей деревни она преодолела всего за десять минут. Жена секретаря деревенской партиячейки Юань Ляня как раз стирала белье

на речке Цзяохэ и своими глазами видела, как тетушка пронеслась мимо по узкому каменному мостику, а игравшая там собака с перепугу упала в воду.

Когда тетушка с сумкой в руках влетела в двухкомнатный флигель, где жила Ай Лянь, там уже была деревенская повитуха Тянь Гуйхуа. Этой старухе с заостренным личиком и впалыми щеками в то время было уже за шестьдесят, теперь давно уже во прахе лежит, амитофо! Она была из тех, кто активно вмешивается во все, и тетушка с порога увидела, как та, оседлав тело Ай Лянь, изо всех сил давит ей на вздувшийся низ живота. У этой старухи был хронический трахеит, ее тяжелое дыхание мешалось с визгом верещавшей как свинья под ножом роженицы, и это создавало героически-печальную атмосферу. Помещик Чэнь Э стоял в углу на коленях и раз за разом низкопоклоннически стучался головой в стену, бормоча что-то нечленораздельное.

В доме у Чэнь Би я был много раз и хорошо представляю, как у них все устроено. Флигелек из двух комнатушек, двери на запад, карнизы низкие, комнатки тесные. Сразу при входе очаг, за ним стенка в два чи¹⁴ высотой, за стенкой – кан. Вот тетушка, войдя, и увидела, что творится на кане. А увидев, была вне себя от ярости, по ее собственному выражению, разозлилась так, что «пламя взметнулось на три чжана»¹⁵. Отбросила сумку, одним махом рванулась вперед,

¹⁴ Чи – мера длины, ок. 30 см.

¹⁵ Чжан – мера длины, ок. 3,2 м.

ухватила старуху левой рукой за левое предплечье, правой – за правое, с силой потянула назад и сбросила ее с кана. Та стукнулась головой о ночной горшок, пролила его, и комната наполнилась вонью. На голове выступила черная кровь. Ранка вообще-то была пустяковая, но взвела старуха с преувеличенным остервенением. Услышав такое, обычный человек мог бы и в обморок свалиться от страха, а тетушке хоть бы что, она человек бывалый.

Встав у кана, она натянула резиновые перчатки и строго сказала Ай Лянь: «Давай-ка не верещи, это делу не поможет. Хочешь остаться в живых, слушай, что я говорю, что велю, то и делай». Ошарашенная Ай Лянь, конечно, знала о славном происхождении тетушки и ее удивительном жизненном опыте. «Ты роженица великовозрастная, – разъясняла тетушка, – положение плода неправильное. У всех дети сначала головой идут, а твой сперва руку просунул, головой в сторону». Потом она не раз посмеивалась над Чэнь Би, мол, голова еще не вышла, а руку уже высунул, будто хотел выпросить чего у этого мира. И Чэнь Би неизменно отвечал: «Да поесть, поесть я просил!»

Тетушка хоть и первый раз принимала роды, но действовала с холодной головой. Взялась она за дело неторопливо, знала свое дело на ять и могла раскрыть способности на самом высоком уровне. Талантливый гинеколог, тетушка руководствовалась и интуицией, и тем, что подсказывали чувствительные руки. Все женщины, видевшие, как она прини-

мают роды, или рожавшие с ней, испытывали к ней благоговейное уважение. Моя матушка при жизни не однажды говорила нам: «У вашей тетушки руки не такие, как у всех. У людей руки бывают холодные, бывают горячие, бывает, из них все валится, бывает, все в поту. А у вашей тетушки руки круглый год одни и те же – мягкие, прохладные, не то чтобы разболтанно мягкие, нет... Как бы тут выразиться...» На помощь пришел образованный старший брат: «Может быть, то, что называется „иголка в куче ваты“, „мягко стелет да жестко спать“?» «Вот-вот, – кивнула матушка. – Да и прохладные они у нее не как кусок льда, нет...» Образованный брат снова добавил за нее: «Это внутренний жар и внешний холод, это как шелк, как холод драгоценного камня». «Да-да, именно так, – кивнула матушка. – Стоит ей провести рукой по телу больного, на семь десятых болезнь уходит. В наших краях женщины тетушку чуть ли не боготворили».

Ай Лянь – женщина везучая, но в первую очередь она женщина умная. Как только руки тетушки коснулись ее живота, она сразу ощутила какую-то силу. Потом она всем встречным рассказывала, мол, тетушка что твой главнокомандующий. По сравнению с ней эта верещавшая рядом с ночной вазой старуха – просто клоун. Под вдохновением и потрясением от научного подхода тетушки и ее строгого отношения в голове Ай Лянь будто просветлело, она исполнилась мужества, пронизывающая боль в печени и легких, казалось, стала значительно меньше. Она перестала плакать,

выполняла тетушкины распоряжения, делала движения, как велено, и произвела на свет большеносого младенца.

Чэнь Би родился бездыханный, и тетушка, подняв его, принялась шлепать по попе и по груди, пока тот не запищал как котенок. «И откуда у этого молодца такой носище? – дивилась она. – Ну чистый янки!» Тетушка была исполнена радости, словно завершивший свое изделие мастеровой. Изможденное лицо роженицы осветила улыбка. Тетушка была человек несгибаемый в классовом подходе, но, извлекая ребенка из родовых путей, она забыла о классах и классовой борьбе, испытываемая ею радость была чистой, непритворной.

Услышав, что жена разрешилась мальчиком, из угла поднялся Чэнь Э. В крайней растерянности он крутился туда-сюда в узком пространстве у очага. Из иссохших глазниц каплями меда выкатились две дорожки слез. Ему было не выразить словами царившее в душе ликование. Сказать хотелось так много, но он и рта не смел открыть. Какие там ароматные свечи, какие предки, для таких, как он, грех даже помянуть такое.

– Раз ребенок с таким большим носом родился, пусть и зовется Чэнь Би! – обратилась к нему тетушка.

Она сказала так в шутку, но этот Чэнь Э, словно получив высочайшее повеление, закивал в поклоне: «Благодарствую за имя! Благодарствую за имя. Чэнь Би так Чэнь Би!»

В то время как он продолжал рассыпаться в благодарно-

стях, а Ай Лянь умываться слезами, тетушка собрала свою сумку и хотела уходить. На глаза ей попалась Тянь Гуйхуа. Та сидела перед разбитым ночным горшком, опершись спиной о стену, и будто спала. Тетушка и не заметила, когда та успела принять такую позу, и не помнила, когда прекратились ее душераздирающие вопли. Тетушке даже показалось, что у той уже и душа вон, но в полумраке блеснули зеленым, как у кошки, глаза, и она поняла, что старуха жива. У тетушки в душе поднялась волна гнева. «Как, ты еще здесь?!» – воскликнула она. «Половину работы я сделала, – наконец выдавила из себя старуха, – а половину ты; мне вообще-то полагается одно полотенце и пяток яиц. Но ты мне голову расколотила, глянь только. Но я в управу жаловаться не пойду, а ты за это должна положенным тебе полотенцем мне рану перевязать, а свой пяток яиц отдать мне на поправку». Только тут тетушка вспомнила, что эти повитухи вымогают у рожениц их добро, и ее охватило отвращение. «Стыд-то какой, совсем совести нет! Это какую такую половину работы ты сделала? – проскрежетала она сквозь зубы. – Если бы я дала тебе довести эту твою „работу“ до конца, сейчас на кане два трупа лежали бы! Ты, ведьма старая, считаешь, женское влагище что куриная гузка, посильнее надавишь, яичко и выкатится? Это у тебя принимать роды называется? Убийство, вот что это такое! А ты еще жаловаться на меня вздумала? – И пнула старуху в нижнюю челюсть. – Еще полотенца, яйца ей подавай!» Пнув ее еще и в зад, тетушка схватила одной

рукой сумку, а другой вцепилась в пучок волос у старухи на затылке и поволокла ее во двор. Чэнь Э выскочил следом, чтобы примирить их, но тетушка гаркнула на него: «А ну катись отсюда! Иди вон, жену обихаживай!»

По словам тетушки, она впервые в жизни кого-то ударила, даже не думала, что сможет вот так ударить человека. И отвесила старухе еще один пинок в зад. Та перекатилась, уселась и, колотя руками по земле, завопила на всю округу: «Помогите! Убивают... Дочка бандита Вань Люфу жизни лишить хочет...»

Уже наступили сумерки, садилось солнце, в свете вечерней зари дул легкий ветерок, деревенские в это время по большей части ужинали, стоя во дворах с чашками в руках. На шум быстро собралась толпа. Подошли и секретарь партячейки Юань Лянь вместе с бригадиром большой производственной бригады Люй Я (Зубом). Тянь Гуйхуа приходилась Люй Я дальней родственницей, а, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет, вот Люй Я и стал укорять тетушку: «Вань Синь, молодая девушка – и бьешь старушку, не совестно?»

«Надо знать, что за дрянь этот Люй Я, – пояснила нам тетушка. – Жену колотил, скотина, так, что она у него на четвереньках ползает, а еще осмеливается меня поучать!»

«Какая старушка? – взвилась тетушка. – Ведьма старая, одно зло от нее! Поспрошай-ка сам, каких она делов натворила! Сколько народу своей рукой на тот свет отправила! Да будь у меня, старой, пистолет, вмиг бы прикончила!» И, вы-

тянув указательный палец правой руки, наставила в голову старухи. Тетушке тогда было всего семнадцать, и когда она назвала себя «старой», многих это рассмешило.

Люй Я хотел было вступить за Тянь Гуйхуа, но тут заговорил партсекретарь Юань Лянь: «Доктор Вань права, только такой строгостью и надо наказывать старых колдуний, которые шутят с человеческими жизнями! Ты, Тянь Гуйхуа, хватит дурака валять да бездельничать, считай, легко отделалась, в каталажку надо бы тебя отправить! Чтобы отныне все рожаящие посылали за доктором Вань! А ты, Тянь Гуйхуа, если еще хоть раз посмеешь роды принимать, все твои собачьи когти пообрубаем!»

По словам тетушки, этот Юань Лянь хоть и неграмотный, а разбирался, что к чему, умел восстанавливать справедливость, хороший партработник.

4

Сенсей, вторым ребенком, которого приняла тетушка, был я.

Когда матушке пришло время рожать, бабка, как у нее давно было заведено, вымыла руки и переоделась, зажгла перед табличкой предков три ароматные свечи, отбила три земных поклона и выставила из дома всех мужчин. Матушка рожала не впервые, передо мной были два старших брата и сестра. «Дело тебе знакомое, – сказала ей бабка, – вот

сама потихоньку и рожай». – «Мама, неважно я себя чувствую, – пожаловалась матушка. – На этот раз совсем не так, как прежде». Бабка не восприняла это всерьез: «Что не так? Не цилиня¹⁶ же выродить собираешься?»

Матушкины предчувствия были верны. Братья и сестра появлялись головой вперед, а я сперва ногу высунул.

Увидев мою ногу, бабка просто обмерла от страха. Потому что в наших краях ходила присказка: «Коли ребенок ногой вперед, знать дух за недоимкой идет». Что за дух, взыскующий недоимку? А это значит, что в семье кто-то в прошлых поколениях кому-то задолжал. Вот этот заимодавец и перевоплощается в младенца, чтобы роженицу измучать по полной, он или умирает вместе с роженицей, или умирает, достигнув определенного возраста, принося таким образом этой семье значительные материальные потери и душевные страдания. Но бабка и виду не подала. «Этот ребенок скороходом вырастет, у какого-нибудь чиновника посыльным будет, – заявила она. – Не бойся, я знаю, как быть». Принесла со двора медный таз, встала перед каном и принялась колотить по нему скалкой. «Выходи, выходи! – выкрикивала она при этом. – Твой господин послал тебя со срочной вестью, не выйдешь, взбучку получишь...»

Почувствовав, что дело принимает серьезный оборот, ма-

¹⁶ *Цилинь* – мифический зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого пластинами, как носорог; считается предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам.

тушка стала стучать в окно сметкой для кана и звать мою старшую сестру, которая во дворе прислушивалась к доносящимся из дома звукам: «Доченька, быстро беги за своей тетушкой!»

Сестра – девчонка смышленная – побежала в деревенскую управу и попросила Юань Ляня позвонить по телефону в фельдшерский пункт. Этот старинный телефонный аппарат с рукояткой я теперь храню у себя. Потому что он спас мне жизнь.

В тот день, шестого числа шестого месяца, на речке Цзяохэ случилось небольшое наводнение. Поверхность каменного моста оказалась под водой, но по разбивавшимся об него волнам все же можно было определить, где он находится. Удививший на реке рыбу зевака Ду Боцзы (Шея) своими глазами видел, как тетушка на всем ходу спустилась с дамбы на противоположном берегу. Колеса велосипеда поднимали волну больше метра. Если бы тетушку смыло бурлящим потоком, меня, сенсей, и не было бы.

Мокрая до нитки тетушка влетела в ворота.

Матушка говорит, что как только тетушка вошла в дом, она будто приняла таблетку успокоительного. Войдя, тетушка отпихнула бабку в сторону, язвительно бросив: «Вы, почтенная, такой грохот устроили, разве он осмелится выйти?» – «Маленьким детям шум нравится, – упорствовала бабка, – услышит грохот барабанов и гонгов, разве не высунется поглядеть?» Тетушка потом рассказывала, что ухвати-

ла меня за ножку, потянула как редьку, да так и вытащила. Я-то понимал, что это она шутит. После того как она приняла Чэнь Би и меня, наши матери стали добровольными агитаторами за нее. Они повсюду рассказывали о своем опыте, жена Юань Ляня и зевака Ду Боцзы тоже рассказывали всем подряд, как искусно тетушка гоняет на велосипеде, так что слава о ней гремела по всей округе, спрос на повитух вскоре пропал, и это стало историческим событием.

Время с 1953-го по 1957 год было периодом расширения государственного производства, благодатным временем расцвета экономики, в наших краях погода стояла благоприятная, и год за годом выдавался богатый урожай. Народ стал досыта есть, теплее одеваться, на душе было радостно, женщины наперегонки беременели и рожали. Тетушка в эти годы просто с ног сбилась. В восемнадцати деревнях дунбэйского Гаоми на каждой улочке, в каждом переулке остались следы шин ее велосипеда, почти во всех дворах сохранились следы ее ног.

Всего с 4 июня 1953 года по 31 декабря 1957 года тетушка приняла роды 1612 раз, помогла родиться 1645 младенцам. Мертвых было шестеро, но из этих шести пятеро – мертворожденные, а у одного было врожденное заболевание. Это был блестящий успех, близкий к идеальному.

17 февраля 1955 года тетушка вступила в Компартию Китая. В тот же день она еще и приняла своего тысячного младенца. Этим младенцем был мой одноклассник Ли Шоу.

«Ваша учительница Юй – самая незакомплексованная роженица, – рассказывала тетушка. – Я ее внизу обихаживаю, а она – поди ж ты – книжку в руках держит, к урокам готовится».

В последние годы тетушка часто вспоминала те деньки. То было золотое время для Китая, золотое время и для нее. Уж не помню, сколько раз ее глаза загорались, когда она уносила мыслями туда: «В то время я была живым бодхисатвой, я дарила детей матерям, от меня исходил аромат сотен цветов, вокруг меня кружили рои пчел, летало множество бабочек. А теперь только мухи, ети его, жужжат...»

Мои имена тоже она предложила: школьное – Вань Цзу (Нога) и детское – Сяо Пао.

Извините, сенсей, должен объяснить, что мое настоящее имя – Вань Цзу. Кэдоу – мой псевдоним.

5

Тетушка давно уже достигла возраста, когда поговаривают о замужестве. Но она сама зарабатывала себе на жизнь, стояла за счет государства как госслужащий, да и происходила из такой прославленной семьи, что деревенские парни даже подумать о ней не смели. Мне тогда было уже пять лет, и я нередко слышал, как прабабушка с бабушкой обсуждают тетушкино замужество. «Ну вот скажи, невестушка, – озабоченно обращалась к ней прабабушка, – Синь-то

уже двадцать два, ее одногодки по двое детей нянчат, а ей даже сватов никто не засылает!» – «Чего спешить, почтенная тетушка, – отвечала бабушка. – Такие, как Синь, могут и во дворец замуж выйти, императрицей сделаться! Тогда и ты свояченицей императора станешь, и мы императорской родней окажемся, вот уж наверняка с прибылью будем!» – «Ерунда это! – возражала прабабушка. – Император давно уже низложен, нынче народная республика, председатель у власти». – «Пусть и председатель у власти, вот мы за него Синь и выдадим». – «Ну что ты за человек, – злилась прабабушка, – сама в новом времени, а головой осталась до Освобождения». – «Я не ты, – отвечала бабушка. – Я в жизни нашей тихой деревушки не покидала, а ты вон в освобожденные районы ездила, в Пинду побывала». – «Ты при мне про этот Пинду лучше не заговаривай, у меня от одного названия кожа на голове немеет! Меня туда японские дьяволы затащили, я там мучилась, а не наслаждалась!» Так у них за разговорами и до ссоры доходило. В первый день прабабушка так рассерчала, что ушла, словно никогда больше и видеть бабушку не желала, но на другой день вернулась. А матушка, глядя, как они обсуждают тетушкино замужество, всякий раз потихоньку посмеивалась.

Помню как-то ввечеру наша корова принесла теленка. Не знаю, то ли корова взяла с матушки пример, то ли теленок мне подражал, но он тоже стал выходить ногой вперед и застрял. Старая корова нетерпеливо мычала, видно было, как

тяжело ей приходится. И дед, и отец места себе не находили, потирая руки и притопывая ногами, ходили кругами, не зная, что предпринять. Корова – основа жизни крестьянина, а эту тем более производственная бригада определила в нашу семью на содержание. Сдохнет, так хлопот не оберешься. Матушка шепнула моей старшей сестре: «Доченька, слышала я, твоя тетушка вернулась...» Та даже не стала ждать, что мать скажет дальше, и убежала. Отец раздраженно глянул на жену: «Ты соображаешь, что делаешь? Она же у людей роды принимает!» На что матушка бросила: «Человек, скотина – одна малина».

Тут за старшей сестрой появилась тетушка.

«Вы что, загонять меня до смерти хотите? – выпалила она сразу как вошла. – Я тут с ног сбилась у людей роды принимать, так еще у коров!»

«Кто ж виноват, что ты из нашей семьи, сестренка? – улыбнулась матушка. – К кому еще обращаться, как не к тебе? Люди тебя воплощенным бодхисатвой называют, а бодхисатва приходит ко всем, спасает всякого существа. Корова, она хоть и скотина, тоже живая тварь, разве ты сможешь не прийти на помощь умирающему!»

«Хорошо, что ты неграмотная, сестрица, – сказала тетушка. – Имей ты на две корзины знаний, как бы ужилась в тихой деревушке!»

«Да будь у меня знаний хоть на восемь корзин, и то не сравниться с пальцем на ноге моей сестренки», – парировала

матушка.

На лице тетушки хоть и оставалось сердитое выражение, но она уже явно отошла. Стемнело, матушка зажгла имеющуюся в доме лампу, поправила фитиль и принесла в сарай.

Завидев тетушку, корова согнула передние ноги и опустилась на колени. При виде коленопреклоненной коровы у тетушки брызнули слезы из глаз.

Мы все тоже не смогли сдержать слез.

Осмотрев корову, тетушка сочувственно, но в шутку заключила: «Еще один вперед ногой идет».

Нас она выставила во двор, опасаясь, что увиденное шокирует. Слыша ее громкие распоряжения, мы пытались представить, как отец под ее руководством помогает корове родить. То был вечер пятнадцатого дня по лунному календарю, и когда на юго-востоке взошла луна, заливая ярким светом небо и землю, тетушка крикнула: «Ну вот, родился!»

Мы с радостными воплями рванулись в сарай, где обычно мололи муку, и увидели позади коровы маленькое тельце, покрытое липкой жидкостью. «Вот и славно, телочка!» – удовлетворенно воскликнул отец.

«Вот уж диво дивное, – раздраженно откликнулась тетушка. – Как женщина родит девочку, мужчины пригорюниваются; а как корова принесет телочку – улыбаются во весь рот!»

«Так телочка вырастет, может телят наплодить!» – сказал отец.

«А у людей что? Маленькая девочка вырастет, разве не

сможет тоже детей нарожать?»

«Это дело другое», – сказал отец.

«И чего тут другого!» – не отступала тетушка.

Увидев, что она разволновалась, отец не стал больше с ней спорить.

Корова, повернувшись к телочке, вылизывала ее мокрое тельце. Ее язык, похоже, имел чудодейственное воздействие, придавая силу тем местам, где он прошелся. Все наблюдали за этим, вздыхая от нахлынувших переживаний. Глянув украдкой на тетушку, я увидел, как она стоит, раскрыв рот, и ее взгляд исполнен любви, словно это ее корова облизывает своим языком или она сама облизывает телочку. Когда корова облизала ее почти всю, телочка, дрожа, встала на ноги.

Мы нашли таз для умывания, налили воды, принесли мыло и полотенце, чтобы тетушка могла помыть руки.

Бабушка сидела у очага, раздувая мехами огонь, а матушка стояла перед каном и раскатывала тесто для лапши.

Помыв руки, тетушка заявила: «Умираю, как есть хочется! Сегодня в вашем доме поужинаю».

«А разве это и не твой дом?» – спросила матушка.

«Так-то так, – сказала бабушка. – Только вот она уже сколько лет ни разу ложки в котел не запускала».

Прабабушка в это время стояла у окружавшей двор стены и звала тетушку вернуться в дом и поесть. «Я же не задаром на вашу семью работаю, – отвечала тетушка. – Вот здесь и поужинаю». – «Тетка твоя завсегда переживает, – продолжа-

ла прабабушка. – Съешь у нее чашку лапши, так всю жизнь поминать будут». К стене с кочергой в руках подлетела бабушка: «Коли голодна, зайди да съешь чашку, а коли нет – катись отсюда». – «Не буду я ничего твоего есть», – отвечала та.

Когда лапша поспела, матушка положила с горкой большую чашку и велела старшей сестре отнести прабабушке. Лишь через много лет я узнал, что она так спешила, что грохнулась, как собака кидается за кучкой дерьма, лапша рассыпалась, а чашка разбилась. Чтобы ее не ругали, прабабушка принесла другую чашку из дома и велела сестре отнести обратно.

Тетушка поговорить любила, а мы охотно ее слушали. После лапши, она села сбоку на край кана, опершись спиной о стенку, и открыла свою шкатулку с рассказами. Она сотни дворов исходила, с какими только людьми не познакомилась, столько преданий и любопытных случаев слыхивала, а при рассказе не скупилась что-то приукрасить для красного словца, и это делало ее рассказы увлекательными, как у сказительницы. В начале восьмидесятых, когда мы смотрели по телевизору серию выступлений знаменитой сказительницы Лю Ланьфан, матушка не преминула заметить: «Ну вылитая ваша тетушка! Если не врачом, то прекрасной рассказчицей бы стала!»

В тот вечер она начала рассказывать с того, как в Пинду состязалась в уме и смелости с командиром японцев Суги-

тани. «Мне тогда семь лет было. – Она глянула на меня. – Почти такая же, как Сяо Пао. И вот вместе с вашей прабабушкой и вашей бабушкой попали мы в Пинду. По приезде нас заперли в какой-то темной комнате с двумя огромными овчарками у входа. Этих овчарок обычно кормили человечесиной, при виде маленького ребенка они тут же высунули языки. Ваши прабабушка с бабушкой всю ночь проплакали. А я не плакала, как легла, тут же заснула и проснулась, когда уже был день. Не знаю, сколько дней и ночей нас продержали взаперти в этой темной комнате, пока не переместили в изолированный дворик. Там росла сирень, от нее разносился такой аромат, что кружилась голова. Потом пришел какой-то шэньши¹⁷ в длинном халате и в цилиндре и сказал, что командующий Сугитани изволит пригласить нас на банкет. Ваша прабабушка с бабушкой только и знали, что плакали и боялись идти. Тогда этот шэньши обратился ко мне:

– Барышня, поговори ты с бабушкой и матерью, пусть не боятся, командующий Сугитани не желает причинять вам зла, он лишь хочет завести дружбу с господином Вань Люфу.

Я и сказала:

– Бабушка, мама, не плачьте, какая польза от вашего плача? Крылья у вас от этого вырастут? Великая стена от ваших рыданий рухнет?

– Хорошо сказала! – захлопал в ладоши шэньши. – Ма-

¹⁷ *Шэньши* – одно из сословий старого Китая, семьи сдавших экзамены и получивших государственные должности, *зд.* деревенский интеллигент.

ленькая, а во всем разбираешься. Вырастешь, наверняка незаурядным человеком станешь.

Под моими уговорами ваши прабабушка с бабушкой плакать перестали. В сопровождении этого шэньши мы сели в напряженный черным мулом экипаж и поехали, поворачивая туда-сюда не знаю сколько раз. Въехали в роскошный особняк с высокими воротами с двумя часовыми на входе – слева „желтопузый“¹⁸, справа – японский солдат. От ворот мы проследовали в глубь особняка, пересекали дворик за двориком, казалось, это будет длиться вечно. Наконец попали в большую приемную в виде сада – резные двери, окна и перегородки, глубокие кресла из сандалового дерева. Командующий Сугитани в кимоно, со складным веером в руках, по неторопливым движениям можно судить, что человек культурный. Несколькими вежливыми фразами на литературном китайском он пригласил нас занять места за большим круглым столом, уставленным изысканными яствами. Ваши прабабушка с бабушкой не смели к палочкам прикоснуться, а мне на это дело наплевать, поем у этого сукина сына! Палочками орудовать неудобно, так я предпочла загребать щепотью – и в рот. Сугитани с рюмкой вина, улыбаясь, смотрел, как я ем. Наелась, руки о скатерть вытерла, и на меня навалилась усталость. Тут Сугитани спрашивает:

– Барышня, если предложить твоему отцу прибыть сюда,

¹⁸ *Желтопузый* – презрительная кличка солдат китайских соединений японской армии.

хорошо это или плохо?

Я уставилась на него:

– Плохо.

– Почему? – спросил Сугитани.

– Мой отец – Восьмая армия, – заявила я, – а ты – японец. Восьмая армия бьет японцев. Не боишься, что мой отец придет и побьет тебя?»

Тут тетушка задрала рукав и глянула на наручные часы. В те времена во всем уезде таких часов было не больше десятка, и одни из них на руке моей тетушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.